

Постсовременность всех касается.
Мы все в ней прописаны, и лучше
это знать, дабы не удивляться.
А. Рубцов

ЦИФРОВОЙ МИР И ПРАВО

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич

*доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского
Юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: yakov.gilinsky@gmail.com*

Цифровизация всех (или почти всех) сфер человеческой жизнедеятельности затрагивает и проблемы права и правоприменения. **Цель:** анализ некоторых сторон цифровизации преступности, прав и свобод человека, осуществления правосудия. **Методы:** анализ литературных источников, статистики, теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** рассмотрение динамики уровня и структуры современной преступности в мире и в России позволили сделать вывод о тенденции сокращения уровня преступности, особенно насильственной, и появлении новых видов «цифровой» преступности – киберпреступлений, мошенничества в сфере компьютерных технологий. Использование цифровых методов наблюдения за людьми породило новую и сложную проблему: «меры безопасности vs права и свободы человека», «оруэллизация» жизни. Цифровые методы все больше будут использоваться при осуществлении правосудия. «Электронные весы правосудия», предлагающие меру наказания по конкретному уголовному делу, – одно из реализаций внедрения цифровизации в процесс правосудия.

Ключевые слова: постмодерн; цифровой мир; преступность; права и свободы; электронный судья.

Введение. В истории человечества одна эпоха сменяется другой. Это нормальный процесс. Нынешняя эпоха постмодерна (постклассическая, постиндустриальная, постсовременная – кто как ее называет) нача-

лась с 1960–1970-х годов и активно завоевывает пространство (сжимающееся) и время (ускоряющееся).

Мы все живем в мире глобальном, новейших технологий, включая образование цифрового мира. Особенности общества постмодерна не могут не влиять на право, преступность, права и свободы человека, правосудие [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Одной из особенностей постмодерна является цифровизация жизни, наше параллельное существование в мире реальном и виртуальном [1, с. 15]. Причем мир виртуальный постепенно становится ведущим, особенно для подростков и молодежи. Это имеет много достоинств (получение массы информации, освоение современных ИТ), негативных последствий (замещение реальной жизни с реальными людьми на нечто механическое, искусственное, когда собственно человеческие отношения подменяются общением в «сети»).

Законодательство, юридическая практика, правовая наука далеко не всегда успевают за требованиями цифровой, виртуальной действительности. Более или менее подробно раскрыть все проблемы в одной статье (да и монографии!) невозможно. Автор лишь попытается на примере трех из них показать значительные сложности, возникающие перед современным юридическим осознанием реальности общества постмодерна.

Цифровой мир и преступность. Виртуализация и цифровизация жизнедеятельности порождает киберпреступность, кибердевиантность и «переструктуризацию» преступности, когда преступления в цифровом мире теснят «обычную», «уличную преступность» (street crime), замещая ее [1; 7; 8].

С конца 1990–начала 2000-х годов наблюдается сокращение уровня преступности (в расчете на 100 тыс. населения) во всем мире. Так, к 2016 г. уровень смертности от убийств снизился: в Австралии с 1,8 в 1994 г. до 0,9; в Австрии с 1,5 в 1992 г. до 0,7; в Венгрии с 4,5 в 1993 г. до 2; в Италии с 2,2 в 1992 г. до 0,7; в Колумбии с 88,5 в 1993 г. до 25,5; в Нидерландах с 1,3 в 1992 г. до 0,5; в Польше с 2,9 в 1994 г. до 0,7; в США с 9,9 в 1992 г. до 5,3; в Финляндии с 3,2 в 1994 г. до 1,4; в Японии с 0,6 в 1994 г. до 0,26. В России уровень убийств (с покушениями) снизился с 23,1 в 2001 г. до 5,4 в 2019 г.¹ С 2006–2007 гг. до 2019 г. снизился уровень краж с 1174,7 до 527,5, грабежей – с 250,3 до 31,2, разбойных нападений – с 44,8 до 4,3. А вот уровень мошенничества вырос с 86,6 в 2004 г. до 175,2 в 2019 г.

¹ Здесь и далее данные по России см.: МВД РФ. Деятельность. Статистика и аналитика. Состояние преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 16.11.2020).

Есть несколько объяснений происходящему, но главное и общепринятое: подростки и молодежь – главный субъект уличной преступности – ушли в мир Интернета. Там они встречаются, дружат, расходятся и «убивают», удовлетворяя в компьютерных играх («стрелялки») потребность в самоутверждении, а также совершают мошеннические действия. Вообще потребность в самоутверждении, самореализации присуща всем людям, но особенно подросткам и молодежи. А между тем именно у них наименьшие возможности удовлетворения этой потребности (отсутствие необходимого образования, профессии, жизненного и профессионального опыта). Неудовлетворенная же потребность в самоутверждении в полезной, творческой деятельности приводит к общественно опасным попыткам самоутвердиться («комплекс Герострата») или же к «уходу» – в алкоголь, наркотики, из жизни (суицид). Вот почему государству так необходимо обеспечить вертикальные лифты, предоставить подросткам и молодежи широкие возможности самоутверждения в общественно полезной деятельности (в техническом, художественном творчестве, спорте и т. п.).

Появилась и стремительно возрастает киберпреступность. Снять миллион долларов из банка другой страны, сидя в кресле за компьютером, неизмеримо выгоднее и безопаснее, чем бегать с ножом по улице, отбирая сотню рублей у пенсионерки. Исследования американских университетов в Вилланове и Ратгерсе показали, что во время пика продаж видеоигр (прежде всего, «стрелялок») количество преступлений существенно снижается, до 30 %.

Но киберпреступность высоколатентна. На очередной ежегодной конференции Европейского общества криминологов (ESC) в Сараево (2018) приводились данные: средний уровень раскрываемости преступлений в странах Европы – 42–46 %, а киберпреступлений – 4–5 %. Думается, что не успешнее раскрываются киберпреступления и в России

Интернет предоставляет невиданные возможности, но и затягивает вплоть до интернет-зависимости, как заболевания. Не говоря уже об использовании сетей террористами, организованной преступностью, неофашистами, экстремистами всех мастей.

Появляются новые виды мошенничества с использованием современных средств связи. По официальным данным, в стране растут преступления в киберпространстве. Так, мошенничество с банковскими картами только за несколько месяцев 2020 г. увеличилось в шесть раз [9]. Основными жертвами таких преступлений являются пожилые люди, пенсионеры, у которых не вызывает сомнений телефонный звонок «сотрудника Сбер-

банка», предупреждающего об «опасности», о снятых с карты деньгах и предлагающего сообщить номер карты для обеспечения ее безопасности.

Цифровизация и права и свободы человека. Современные технологические возможности используются, конечно, не только в преступных целях, но и государством для защиты от преступлений и иных правонарушений, для обнаружения правонарушителей, предупреждения преступлений [10]. В частности, видеонаблюдение, широко используемое в современных городах, и сканирование всего и вся. Но эти же возможности государственного обеспечения безопасности влекут чрезвычайно неприятные последствия.

Технические возможности «цифровизации» населения приводят к китайскому «цифровому концлагерю», когда все население страны «сортируется» в зависимости от социальных рейтингов. Люди с рейтингом выше 1050 баллов – образцовые граждане, с рейтингом свыше 1000 баллов – вполне достойные, с 900–1000 баллами – середняки, ниже 850 баллов – не вполне благополучные, а ниже 600 баллов – изгои, коих не возьмут на работу, им не дадут кредит, не продадут билеты на скорые поезда и самолеты. Им грозит «превентивное воспитание», то есть арест со всеми вытекающими последствиями.

Но «цифровой» контроль существует не только в Китае. Ведь и в США существует система «Police Cloud», возможен «превентивный арест» [11]. Да и в России на фоне ограничений, вызванных пандемией коронавируса, видеонаблюдение, прежде всего в Москве, обеспечивает достаточно полный контроль за жителями.

В результате цифровизации населению грозит тотальный контроль государства за каждым из нас. Реализуется «1984» Дж. Оруэлла («оруэлизация» жизни). Каждый «под колпаком». Какая уж тут свобода, провозглашаемая в первых статьях Декларации прав человека и гражданина, Всеобщей декларации прав человека, Конституции РФ! Да, в современном мире растут возможности технологической свободы (быстрое перемещение по планете, молниеносная связь по смартфону, скайпу, помощники-роботы и т. п.). Но намного сложнее с личной свободой, все более ограничиваемой «мерами безопасности».

«Меры безопасности vs права и свободы человека» – актуальная и сложнейшая общемировая проблема. Одни из первых ее подняли немецкие социологи, политологи, криминологи. Страшное прошлое гитлеровской Германии заставило немецких коллег (профессора Н.-Ж. Albrecht, J. Arnold и др.) бить тревогу раньше других. Из отечественных кримино-

логов можно назвать работы Н.В. Щедрина, С.Я. Лебедева, Я.И. Гилинского и др. [12; 13; 14].

Цифровизация правосудия. Не вызывает сомнения, что современные технологии должны найти место и в системе правосудия. Особенности современного общества постмодерна оказывают все большее влияние на тенденции и структуру преступности (киберпреступность «вытесняет» привычную «уличную преступность», уровень которой снижается во всем мире, корыстная преступность «теснит» насильственную, «технологизируются» методы совершения преступлений и др.). Соответственно, должны существенно меняться основания и принципы правотворчества, способы и средства деятельности правоохранительных органов, судебной системы. Излишняя криминализация деяний, не представляющих действительно серьезной опасности, превращает каждого жителя страны в преступника. Отсюда – «был бы человек, статья найдется», что противоречит свободе и правам человека.

Цифровизация правосудия уже происходит в разных странах. Так, система хранения и управления доказательствами существует в Великобритании, США, Канаде и ряде других стран. Примером «электронных весов правосудия» служит разработка профессора Х.Д. Аликперова (Азербайджан), апробированная, в частности, на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба 15 февраля 2019 г.

Поддерживая в целом идеи «цифрового правосудия», внедрения технологии блокчейна, следует заметить, во-первых, что принцип Инь – Ян никуда не исчез. В любом положительном таится отрицательное (а в любом отрицательном можно отыскать зерно положительного). Ничего идеального никогда не было, нет и быть не может. Следовательно, внедряя современные технологии, включая блокчейн и основанное на нем «цифровое правосудие», необходимо трезво выявить возможные минусы и средства их минимизации.

Во-вторых, в принципе, никто и ничто не может обеспечить, гарантировать достижение «истины» в судебном процессе. Стоит еще раз подчеркнуть: «есть много истин, нет Истины» [15]. Или обратиться к М. Борну: «Я считаю, что такие идеи, как абсолютная несомненность, абсолютная точность, окончательная истина и тому подобные, являются плодами воображения, которые должны быть исключены из любой области науки». Более того, «вера любого человека в единую окончательную истину и в то, что он является ее обладателем, является главной причиной всего зла в нашем мире» [16]. Надо понять: ни судья, ни суд, ни присяжные не могут гарантировать достижение «истины» в процессе. Судебные ошибки неизбежны. Не сумеет их полностью устранить и любая

технология. Тем более что суд решает вопросы о деяниях людей со всеми их индивидуализированными жизненными и психологическими нюансами, кои будут недоступны технологиям. Очевидно, на первом этапе внедрения технологий в процесс судопроизводства необходимо будет, заменив бумажное многотомие, сохранить роль судей в решении судебных людей. Другое дело, что судьи с помощью новых технологий типа «электронных весов правосудия» будут обладать неоценимой «подсказкой», обойти которую ради каких-либо неправовых интересов будет весьма затруднительно. Видимо, судьи должны будут в приговоре обосновать, почему их решение расходится с электронным приговором.

Применительно к России: нет больших надежд на реализацию «цифрового правосудия» в условиях «телефонного», заданного «свыше» правосудия, от которого власть вряд ли в состоянии отказаться сегодня.

Заключение. Одной из характеристик современного общества постмодерна является цифровизация всех (или почти всех) компонентов общественной жизни: экономики и права, политики и культуры, быта и ... преступности. Юридически значимы глобальные изменения в структуре преступности: сокращение преступлений против личности, рост мошенничества, киберпреступность и др. Тотальная цифровизация, когда принципиально возможно наблюдение за каждым жителем страны, обостряет проблему «меры безопасности vs права и свободы человека». Человечество идет к «1984» Оруэлла. Что делать?

Цифровизация не может не затронуть систему правосудия. Есть роботы в производстве, есть роботы – домашние хозяйки, есть беспилотники. Не появятся ли роботы-судьи? Пока об этом рано говорить, а вот определенная цифровизация отправления правосудия давно ждет реализации. Уход от многотомных дел, замена секретаря судебного заседания, «электронные весы правосудия» как объективизация выносимых приговоров – реалии сегодняшнего дня.

Дальнейшая цифровизация жизни будет продолжаться. Каковы позитивные и негативные последствия? О чем надо задумываться юристам-практикам и юристам-ученым? Непочатый край работы.

Библиографический список

1. Гишинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна : сб. ст. СПб. : Алетейя, 2017. 280 с.
2. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб. : ИВЭСЭП, 2002. 269 с.

3. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.
4. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L. : Routledge, 1992. 264 p.
5. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. SAGE Publications, 1996. 322 p.
6. Milovanovic D. Postmodern Criminology. N. Y. ; L.: Garland Publishing Inc., 1997. 266 p.
7. Ларина Е., Овчинский В. Криминал будущего уже здесь. М. : Книжный мир, 2017. 505 с.
8. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом / сост. В.С. Овчинский. М. : Норма, 2017. 527 с.
9. Овчинский В. Остап Бендер позавидует // Петровка 38. 2020. № 39. URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/ostap-bender-pozaviduet>.
10. Овчинский В. Технологии будущего против криминала. М. : Книжный мир, 2017. 288 с.
11. Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ : моногр. СПб. : РГПУ, 2018. 398 с.
12. Щедрин Н.В. Меры безопасности и (или) права человека? // Социальный контроль над преступностью: что делать? : матер. XXXII Междунар. Балтийск. криминологич. конф. / под ред. проф. Я.И. Гилинского. СПб. : РГПУ, 2019. С. 241–248.
13. Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности // Les Russica. 2009. № 18. С. 39–53.
14. Гилинский Я.И. Уголовная политика государства и человек // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. / отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб. : Петрополис, 2019. С. 105–111.
15. Гилинский Я.И. Есть много истин, но нет Истины // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сб. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф., 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 86–88.
16. Макс Борн: мнение лауреата Нобелевской премии по физике об «источнике всех зол». URL: <https://123ru.net/mix/127517752>.

Дата поступления: 25.11.2020

DIGITAL WORLD AND LAW

Gilinskiy Yakov Il'ich

Doctor of Sciences (Law), Professor of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Digitalization of all (or almost all) spheres of human life also affects the problems of law and law enforcement. **Purpose:** to analyze some aspects of digitalization of crime, human rights and freedoms, administration of justice. **Methods:** analysis of literary sources, statistics, theoretical methods of formal and dialectical logic are used. **Results:** the review of the dynamics of modern crime rate and structure in the world and in Russia allows us to conclude that there is a tendency to reduce the crime rate, especially violent crime, and the emergence of new types of «digital» crimes – cybercrimes, fraud in the field of computer technology. The use of digital methods of observing over people has given rise to a new and complex problem: «security measures versus human rights and freedoms», «orwellization» of life. Digital methods will increasingly be used in the administration of justice. «Electronic scales of justice», offering a measure of punishment in a specific criminal case is one of the implementations of introducing digitalization in judicial proceedings.

Keywords: postmodern; digital world; crime; rights and freedoms; electronic judge.

References

1. Gilinskiy YA.I. *Deviantnost' v obshchestve postmoderna* [Deviance in postmodern society]. Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2017. 280 p.
2. CHestnov I.L. *Pravoponimanie v epohu postmoderna* [Legal thinking in the postmodern era]. Saint-Petersburg, IVESEP Publ., 2002. 269 p.
3. CHestnov I.L. *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. Saint-Petersburg, ALEF-Press Publ., 2012. 649 p.
4. Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London, Routledge Publ., 1992. 264 p.
5. Henry S., Milovanovic D. *Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism*. SAGE Publ., 1996. 322 p.
6. Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. New York, London, Garland Publ. Inc., 1997. 266 p.

7. Larina E., Ovchinskij V. *Kriminal budushchego uzhe zdes'* [Crime of the future is already here]. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2017. 505 p.

8. Ovchinskij V.S. *Osnovy bor'by s kiberprestupnost'yu i kiberterrorizmom* [Fundamentals of Fighting Cybercrime and Cyberterrorism]. Moscow, Norma Publ., 2017. 527 p.

9. Ovchinskij V. Ostap Bender will envy. *Petrovka 38*, 2020, no. 39. Available at: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/ostap-bender-pozaviduet>. (In Russian).

10. Ovchinskij V. *Tekhnologii budushchego protiv kriminala* [Future technologies against crime]. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2017. 288 p.

11. Gurinskaya A.L. *Anglo-amerikanskaya model' preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskij analiz* [The Anglo-American Model of Crime Prevention: A Critique]. Saint-Petersburg, RGPU Publ., 2018. 398 p.

12. SHCHedrin N.V. Security measures and / or human rights? In Gilinskij YA.I. (ed.). *Social'nyj kontrol' nad prestupnost'yu: chto delat'?* [Social control over crime: what to do?]. Saint-Petersburg, RGPU Publ., 2019, pp. 241–248. (In Russian).

13. SHCHedrin N.V. Limits of Preventive Activity. *Lex Russica*, 2009, no. 18, pp. 39–53. (In Russian).

14. Gilinskij YA.I. Criminal policy of the state and the person. In Rahmanova E.N. (ed.). *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika* [Criminal policy and law enforcement practice]. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 2019, pp. 105–111. (In Russian).

15. Gilinskij YA.I. There are many truths, but there is no Truth. In Kalinovskij K.B., Zashlyapin L.A. (eds.). *YUridicheskaya istina v ugolovnom prave i processe* [Legal truth in criminal law and process]. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., 2018, pp. 86–88. (In Russian).

16. *Maks Born: mnenie laureata Nobelevskoj premii po fizike ob «istochnike vsekh zol»* [Max Born: Nobel Prize Laureate in Physics' Opinion on the «Source of All Evil»]. Available at: <https://123ru.net/mix/127517752>. (In Russian).

Received: 25.11.2020